

Надя Делаланд

Голоса в голове

Москва
«Делаландия»
2023

УДК 82-14

ББК 84(2Рос-Рус)6-5

Надя Делаланд

Д29 Голоса в голове. – М.: Делаландия, 2023. – 88 с.

ISBN 978-5-60407-582-1

9 785604 075821

© Н. Делаланд, стихи, 2023

© В. Гандельсман, предисловие, 2023

© Е. Никитин, MidJourney AI, обложка, 2023

© Д. Талалаев, верстка, 2023

© Е. Кукина, корректура, 2023

Органическая странность

Я мог бы предпослать «Голосам в голове» Нади Делаланд слова, написанные мной о ее книге «Мой папа был стекольщик»: «Мир этой книги – преображенный, потому что находится в непрерывном соприкосновении с миром иным, и непредсказуемая явь, порожденная этим родством, выражена не декларативно, но словом, трепетно настаивающим и удерживающим ее мимолетные отблески – словом, которое свободно во имя точности».

Да, именно так.

Здесь представлены особые отношения разума и души со словом.

Они – душа и разум – перетекают в слово наикратчайшим образом, нарушая общепринятый порядок, и поэтому возвращаются из алхимической колбы поэзии к автору и читателю воистину преображенными.

Иногда это достигается простым устранением предлога: «подумаю тебя» (вместо «подумаю о тебе»). Иногда – выбегом из своего тела и взглядом на себя со стороны, и тогда, вслед за этой небывалостью, рождается и небывалое слово, неологизм, подтверждающий необычность переживания: «В этом теле, которое я ношу, / даже разум не очень мой, / утомительный шелест, шершавый шум, / августите меня домой...» Есть и такое: «Меня никто не пишет по ночам, / и я пылюсь и как бы исчезаю, / но иногда меня пронзает мышь, / что я свободна...» – здесь, кроме ускорения: «меня никто не пишет» (привычнее, но и нерасторопней: «обо мне»), – подмена «мысли» «мышью», и это совершенно естественно и замечательно, и как подтверждение непринужденности этой находки высказывает «я свободна».

Органическая странность присуща этим стихам. То есть шкловское «остранение» в данном случае не прием.

Во второй части книги, которая называется «Сияющая зверь», человек размышляет о смерти, о приближении к ней как о движении времени вспять, в до-рождение, отсчитывая возраст: девять, восемь, семь... И затем:

попробуй заново ожить
в сияющую зверь
как хорошо что я мертва
что я трава и мох
что ходят по воде слова
и водомерка-бог

Отважные стихи, не правда ли? И в них звучит неизбежно и как-то радостно, с улыбкой, «сияющая дверь» (тот же прием, что и с мышью-мыслью) – вход в инобытие, и так важно, что она сияющая, светлая, что путь туда лежит через птиц, зверей, насекомых, траву, мох... Все эти «дикие» земные существа и растения щедро населяют книгу – ведь по ним лежал путь и сюда, в мир, который мы считывали когда-то впервые, ощупывая их, как слепые, всеми пятью органами чувств.

Сияющая дверь – это, на мой взгляд, и дверь в храм. И тут как тут «Преображение Господне»:

– Отчего Ты так светишься, Господи Иисусе Христе,
и лицо Твое – свет, и руки, и воздух – свет?

– Оттого, что скоро распнут меня на кресте,
оттого так светом сквозь плоть проступает смерть.

– Каково это, Господи, знать точно день и час
неминуемой гибели?

- Гибнет одна лишь плоть.
- Это больно?
- Больно.
- Больно за нас?
- За вас.
- Это страшно?
- Страшно.
- Светло?
- И светло.

Книга заканчивается «легким лесом», белкой в этом лесу и строкой: «ну подумай о том что радостно», – и эта строка словно бы приподымает всю книгу и держит ее напросвет, и я смотрю и вижу, что свет и однокоренные «свету» глаголы и существительные – главные герои этой книги, чья первая часть – «Свиток ветра» – начинается со светлейшего стихотворения, где заворачивается листок и дремлет и дышит гусеница в свитке ветра, – со стихотворения, с которого и начнет ловить бабочку поэзии внимательный читатель.

Владимир Гандельсман,
3 марта 2023 года

СВИТОК ветра

* * *

Вот погляди – где заворачивается листок
дремлет гусеница (пульсирующий висок,
тонкие веки и приоткрытый рот),
спит, живет.

Да, она маленькая, ма-лень-ка-я,
но она дышит, дышит, совсем как я,
если ее напугать, то вздрогнет, закроет рот
и умрет.

Это декабрь, гусеница. Жизнь – гололед в песке,
лучше не выходить, лучше спать в листке,
в свитке осеннего ветра, в углу двора,
все, как вчера.

Мать любит дочь, форель разбивает лед,
жизнь потихоньку движется и жует,
дворник в наушниках смел из угла листок
в водосток.

***

Митя? Алеша? Сережа? Валера?
я целовала его за верандой
папа его был пожарным а мама
ровно его забирала в шесть тридцать
он подарил мне жука уже мертвый
жук был спокоен в кармане с утенком
жук был в кармане с каштаном и желтой
провоолокой чтобы сделать колечко
если б меня не забрали внезапно
не увезли бы на черное море
а в сентябре не отдали бы в школу
мы и сейчас может быть были вместе
Митя Алеша Сережа Валера

***

там капает вода вывязывая шнур
дрожащего стекла стекающего света
и женщина во тьме нагая от кутюр
разводит в очаге дыхание и лето
в ее ресницах след цветущих фонарей
она легко поет и ничего не плачет
я чувствую рассвет и прямо у дверей
рожаю первый луч он девочка и мальчик
ты чувствуешь рассвет как будто в глубине
молочное свече – нье и еще на коже
и пахнет молоком и снегом и ко мне
подходит жизнь и мы
похожи
мы
похожи

* * *

Ты знала, что зародыш, как цветок –
с листками-лепестками?

Что мы – цветок в начале и в конце
концов – цветок.

Мы – лепестковый лотос,
сражающийся с тьмой.

Онтогенез наш пренатальный
нежен, словно ландыш.

И пахнет так же, и поет
о том же.

Так удивительно придумано, что там,
внутри, цветок,
цветет цветок-ребенок,
волшебный кровный аленький цветочек.

* * *

скульптор небесный листающий лес
лестница в небо и огненный лес
голос растрепанный катится вниз
в темном закате навеки исчез
мы сохраняйте свою пустоту
я тишину сохранили свою
вы до сих пор тонконогий стою
он тонкоручко ветвями расту
грезила осенью стала зима
зоркий мороз зажимающий рот
кто там за голову тянет берет
мама ты мама я мама мы ма
живорожденный котенок щенок
тайный младенец растущий из тьмы
мама цветок раскаленной зимы
я голова у него между ног
если рожать целый день напролет
станешь сквозной длинношейей тоннель
стонешь гудеть и из царства теней
чувствовать холод бутылочный лед
если рождаться весь день и всю ночь
к свету тянуться ты чувствовать свет
то непременно закончится смерть
здесь между ног

***

все мертвые становятся детьми
беспомощными ничего не могут
самостоятельно им все не слава богу
одень переверни печаль уйми
их на руки возьмешь и напролет
всю ночь прижав к груди по дому носишь
поешь им песни внятно произносишь
никто из них однажды не умрет
сажаешь их под домом и в окно
все время смотришь не взошли ли листья
ли листья не взошли но можно литься
дождем и лица вытянув и нос
достаешь ночью косточку зерно
светящееся семечко из почвы
запъешь его дождем и станешь молча
вынашивать внутри себя всю ночь
потом родишь и снова двадцать пять
часов подряд то пеленай то нянькай
корми грудным дыханием и в майке
иди копать

* * *

вой на улицах пыль и прах
страх на лицах и улицах
мама страшна арахна вьет
сети смерти и горе пьет
чашу скорби в мой смертный час
(боже сколько же можно чаш)
не пролей донеси до губ
я могу я еще могу
не могу но бомбят дома
я хотела бы выйти на
остановке вагоновож
атыйбатый едрена вошь
мы проехали дальше вы
вы выходите в эти рвы
и траншеи пипец абзац
deus vult краснодеус бац
бдыжь захлебываясь в крови
о – о господи – станови
кто-то должен меня разнять
убивающую меня
отмотайте чуть-чуть назад
этот бред котара и ад
дети мертвые тихо спят
тихо дети в руинах спят
как не спятить когда все спят
ну так спять

***

выкликаю в себе разную кровь: русская
– я! украинская – я! белорусская
– я! немецкая – я! еврейская – я! французская –
я! греческая – я! татарская – я! польская –
я! какая же я? какая же я русская,
украинская, белорусская, немецкая,
еврейская, греческая, французская?
кровь оборачивается и своим голосом, ну вы знаете,
говорит: мультифруктовая ты, успокойся,
резус у нас отрицательный,
гемоглобин хороший,
ладно, я потекла, а ты живи.
и она течет, а я живу.

***

О, выправи мне слово, логопед,
пока седлает осень лисопед
и, как лиса, летит к опушке леса,
роняя листья – хрустки и сухи,
мне кажется, что я пишу стихи
(о, как ни назови их – будет лестно!).
Я все еще крапива красотой
осенней, засыпающей, вон той –
небесной, упоительно закатной.
Как будто бы я тоже ухожу..
Нет, еду, еду, рук я не держу,
смотри, он сам везет меня обратно!
Впадая в прелесть легкого письма,
любуюсь тем, как красная тесьма
кленовой строчки прилегла уютно,
как все совпало точно и само
всей радостью везет меня домой,
мы едем-едем, ангелы поют нам.

* * *

– Понимаешь, – говорит она, наклонившись к подруге, – он мне совсем не нравится. Абсолютно.

Ни лицо, ни фигура, ни голос. Пожалуй, голос все же нравится. Голос, глаза и руки.

Как у Гофмана, помнишь? – Подруга курит, отряхая прах в жестяную банку.

– Я как будто сошла с ума, я все время помню, что он есть, он течет у меня по венам, – продолжает девушка, поминутно открывая мессенджер, проверяя не пришла ли весточка от того, кто ей совсем не нравится. Абсолютно.

***

Открываете дверь, а она там стоит босая,
говорит, запинаясь в дожде, стекающем на сандалии:
«Я играла вам на свирели, а вы не плясали,
я вам пела печальные песни, а вы не рыдали».
У нее в глазах зацветает и плодоносит
то ли вишня, то ли яблоня, то ли слива,
на глазах весна превращается в лето, в осень,
и белеют волосы холодно и красиво.
«Я играла вам на свирели», – стуча зубами,
повторяет, пока вы поите ее чаем,
укрываете пледом, пытаетесь улыбаться, –
«я вам пела, а вы молчали, не отвечали».
Засыпает, и в тусклом свете горелой лампы
вы потом припомните, как у нее горели
щеки, волосы вились, пах невесомо ландыш,
и все время кто-то играл на свирели.

***

закроешь глаза и почти не видна
глазного достигшая топкого дна
вся нежность твоя потайная
складная ого разборная
не спрячешь ее за комодом и в стол
ее не напишешь ты думаешь что
во сне ее свяжешь в неволе
но нежность твоя не Его ли

* * *

когда у тебя умирает кто-то родной
дедушка или кошка
то надолго примерно на год
они вселяются в разные вещи
в лампу синего света
в стон воды из-под крана
и оттуда тебе говорят оттуда
достают из тебя по частям всю память
а потом уходят уже навечно

* * *

О, осенью дома становятся прозрачны,
и листьями летят куда-то от земли,
и ветками поют в огне, и неделим
их голос ноябрячий.

Как хорошо, скажи, что и у нас есть дом,
пусть он вот так же вдруг однажды уфигачит
куда-то далеко, но ведь и мы прозрачны,
живем давно с трудом.

* * *

К октябрю все накроется желтым,
и коктябрь – мур-мур-мур – облетит,
до-минорно чуть-чуть фа-мажорно
он окошко дождем покогтит,
будет нудно проситься и лапкой
дергать дверь, но как только войдет,
сразу станет ломиться обратно,
превращаясь в ноябрьский дождь.
В коктябре целоваться и плакать,
вспоминать и скорей забывать.
Это листья. Их видно из мрака,
они светятся прямо в кровать.
Это мокрые сонные листья,
дробно всхлипнув, уснут на ветру
Яндекс Дзена. Нет, это Алиса
гугловато задумалась в пруд
и по сенсорному водоему
умной уткой плывет мне в лицо
поздороваться и не смеется,
подплывает, здороваецо.

* * *

Я шла по тропинке в парке Шкулева
между берез,
когда у меня началось
непроизвольное словоизвержение.
Я подносила ко рту диктофон
и ловила слова,
стыдливо отворачиваясь от редких прохожих,
но, возможно, они все равно замечали,
и, возможно,
им тоже было неловко.
Я закончила,
испытав хиазм и немного гипаллаги.
В голове пели птицы.

***

Сойти с ума сейчас – нормально.
Как не сойти, как не с ума?
В кастрюлю с сколотой эмалью
кладут дороги и дома,
людей, животных и деревья,
подъемный кран и детский смех.
Мне это кажется наверно,
так не бывает, чтобы всех
на медленном огне варили,
помешивая и соля.
Вам разве же не говорили,
что это больно и нельзя?
Я ничего не понимаю,
но только за руку держу
и глажу, глажу, обнимаю
и глажу.

***

когда-нибудь все будет хорошо
и самолет пронзенный светом
рассветно вырулит в зенит
все засмеются и захлопают в ладоши
и медленный продолжат разговор
как будто ничего не начиналось
так словно мы не жили никогда
никто не плакал по ночам и утром
не улетал раскачивая вяз
в окне потустороннем безразмерно

***

так сходит мелодично с летних рук
загара стыд и прячется лукаво
в руках твоих смеется под руками
вступает завороженно в игру
так скрип сосны в дремучей вышине
раскачивает воздух создавая
прозрачный ветер над моей кроватью
и лес его вздыхающий во мне
так очередь идет по одному
в пещерный холод в мрак неузнаванья
и я считаю их не называя
не назначая имени всему
так исчезают город лес и речка
мох на стволах пауков и стрекоза
которых не успели рассказать
по-человечьи

* * *

Тень муравья, бегущая по парапету балкона,
никогда его не догонит, не вырвет хлебную крошку из робких
мандибул.

Наоборот, когда муравей развернется, станет бежать от него,
но и этого толком не сможет,

так и придется в ногах телепаться ей мокрым пятном.

Мурмурация птиц, – промурлыкал мой кот, – это утренний
танец Вселенной.

Все еще спят сквозь пространства, она же танцует – и ветки,
ветки, и птицы,

и мой муравей быстроногий в скошенном солнце, и лето,
плывущее в осень ногами.

***

иногда так случается – вдруг человек
становится тебе невыносимо дорог
каждый день тебе его мало
он свет и воздух
вода и пища
и ты бьешь себя по рукам
чтобы есть поменьше
дышать пореже
но совсем перестать ты уже не можешь
то есть можешь конечно
конечно можешь

* * *

мы лежали сквозные открытые рты
повернув на открытые рты
и тогда сквозь меня прорастали цветы
тихий лоб протолкнув и застыв
наши корни сплетались и в небе реки
рифмовались качались рекли
улыбнись лепестками одни уголки
облаками сквозь корни текли
боль прозрачна и солнечна и на просвет
как поднять так и в сущности нет
ни печалей ни бед ни печалей ни бед
ни качелей печалей ни бед
укачает когда и глаза позакрыв
по-младенчески спящая май
по цветам легкой дрожью взлетит улетит
и как хочешь тогда понимай

***

Как жаль, что у меня тебя отняли,
ты был мне нужен – говорить, и – реже –
дотрагиваться. Мы еще едины:
подумаю тебя, и ты всплываешь
среди рекомендуемых вКонтакте.
Мы, мертвые, все связаны друг с другом.
Мы – матрица, глаголица, десница,
нам снится, что мы чувствуем и знаем,
а нас давно отняли друг у друга,
оставив только струны паутины –
дрожать от слова и прикосновенья.

***

Осени антрацит под топазами и опалами,
судходное небо, открытое для поцелуя,
если сильно приблизить, то видно, как курит на палубе
половина жирафа, я думаю, лучшая.
Этим долгим дыханьем и взглядом, любовью продолженным
можно света коснуться внутри обжигательно медленно.
В обе стороны луч расходящийся сложится, может быть,
и родится сверхновая из тихоструйного мелоса.
На границе меня, серебристым пунктиром мерцающей,
длинноногими стрелками время рассудочно движется,
и однажды придет без руки и спины, без лица еще,
а меня уже нет – только лужица, рожица, жижица.

* * *

В этом теле, которое я ношу,
даже разум не очень мой,
утомительный шелест, шершавый шум,
августите меня домой.

Я – учитель изо, ученик из-за
пандемии забывший речь,
я рисую на ветке свои глаза,
и они продолжают течь.

Я ждала это лето, оно прошло,
окунувшись в лиловый дождь,
так бывает со всеми, кто ест из слов,
так бывает со всем, что ждешь.

***

Какое облегчение, что осень –
не ждать конца каникул, не бояться,
что не успеешь отдохнуть. Ну вот,
ты не успела, все опять прекрасно.

***

Меня никто не пишет по ночам,
и я пылюсь и как бы исчезаю,
но иногда меня пронзает мысль,
что я свободна, и такой веселый
не то чтобы большой, но огонек
во мне немного вспыхивает что ли.
И я тогда сажусь на край окна
(воображаемого, я пока в порядке)
и начинаю всех сама писать,
неточными словами попадая
то в бровь, то в глаз, а избранным – в уста,
но устаю и засыпаю. Там же
они внезапно чувствуют себя
свободными от ниточек небесных,
салятся, так вот свешивают ноги
в ночное небо и кого-то пишут.

* * *

когда становится печально
где было лето а потом
вниз головой сквозь сон качаясь
рос дождь и холодил балкон
тогда в глаза заходит чайка
и смотрит клювом наперед
как мне становится печально
и за душу меня берет

* * *

Она говорит ему: трам-там-там,
а он отвечает ей: тра-та-та,
Чехов переворачивается и спит,
ему снится Ялта, янтарь и я.
Я не бывала в Ялте и не
спрыгивала с двух последних кривых
теплых ступеней, и не вела
пальцем ноги по песку черту,
через которую перейдя,
ты отрицаешься от всего,
только и будет, что трам-там-там,
и никогда уже тра-та-та.

***

спокойной ночи любимый
говорю я шепотом
в темноту
где никого нет
и засыпаю
счастливая

***

Моя фотографическая память
меня подводит: аппарат то дрогнет,
то наведется не на то: ромашку,
пчелу, каштан, нервные руки
не собеседника, а бабушки с собакой,
и в результате я лица не помню,
и в результате я не помню лиц.
Зато я помню голос и молчанье,
и как взлетала веточка тревоги,
и что подумал плачущий младенец,
когда ему разулыбался пес.

***

немного матовый голубовато-рыжий
струящийся молочно и знакомо
свет утренний запомнил подоконник
спустился вниз каким-то чудом выжил
в тенистых шторах выросших из пола
потрогал стул пронзил на нем висящий
сияющий платок забрался в ящик
стола потом задумался и вспомнил
что зеркала
и что в стеклянных дверцах
и сквозь стакан
и господи вода
но вышел и вернулся вот сюда
из сердца
в сердце

* * *

так облачно что божья благодать
течет сквозь воздух и не угадать
куда как прорастет ее мицелий

сияющий но я стою в окне
и вижу снизу видно же по мне
рой всполохов протанцевавший к цели

жизнь радостна ее нельзя корить
она ребенок и не изменить
прыжков и беготни и хохотанья

она щенок котенок воробей
она жива и разве что убей
ее замолкнет стихнет перестанет

сквозь точку на ту сторону себя
протиснется и снова зарябят
запутанные нити световые

на той ли я стояла стороне
с той стороны окна скользят по мне
ее лучи живые

***

спасибобо качается весна на долгих нитях падающих капель
пекан в пекарне пахнет
ты дождь я дождь идешь и все вокруг
из рук и ног и губ и веригуд
поешь себе и шепчешь в капюшоне
ты пел я пепел скажет гандельсман
и я посыплюсь пеплом и весна
весна весна ты все же будешь што ли

* * *

бывает ли потом
ни разу не было чтобы потом настало
оно как горизонт
и снег его и солнце и подарки
рассыпались в унылую труху
прошли и вышли
выросли и стали
но я не устаю его мечтать
вот думаю потом скажу а после
мы выйдем в сад хотя откуда сад
и будем светлячков ловить губами
а дальше ничего уже не будет

обрыв

и ветер трогает травинку над обрывом

* * *

Так красиво придуманы листья рябины
и печальная лавочка в самом углу
тишины, так комар упоительно глуп,
в мою ногу настойчиво носом влюбившись,
так не хочется смерти и старости, так
страшен август, когда тебе больно подумать,
что кончается лето, и спину продуло,
и за летом стоит, серебрясь, пустота.
Так лицо прорастает твое сквозь мое,
и по общему так кровотоку несутся
наши нежные мысли, серьезные чувства,
превышая отпущенный жизнью объем.
Так усталость в оранжевом входит с метлой
и в наушниках все выметает с дорожек
под узбекскую музыку. Если ты можешь,
то отбой.

* * *

Май ловил меня, но не поймал,
я ловила май, но не поймала.
Сквозь меня прошла его зима,
осень лета быстро миновала,
в голени оставив спящий лист,
две снежинки спрятав под ключицей,
чтобы я не различала лиц,
чтоб меня не различали лица.
Но когда наступит новый май –
бабочковый, в воздухе раскрытом
настежь – я шагну в него сама,
медленно распахивая крылья.

Сияющая зверь

***

я стану музыка я буду на слова
сегодня облако смотрело утконосом
в песок плескалась то рука то голова
уткнувшись ласково совсем простоволосо
мне будет радужно в распахнутой груди
поля цветочные смеющиеся пчелы
тут главное жука не повредить
ползущего по животу зачетно
такой ритмический рисунок у всего
все так рифмуется что у верлибра траур
всей музыкой рукой и головой
врастаю в травы

***

дом заброшенный но
согреваемый мною
я смотрела в окно
слепоглухонемое
проводила рукой
гладкий твердый холодный
воздух ходит рекой
сквозняка на подложке
обними и постой
только так и пробиться
под наклоном ростком
пульсом азбукой птицы
слепоглухонема
тишина из кармана
вынимает дома
слепоглухонемама
мама мама во сне
я смотрела руками
в воду думала снег
понимала сквозь камень

* * *

на фотографии в закатном свете солнца
по берегу речки бегут девочка и мальчик
они достаточно далеко но я слышу она смеется
и не слышу но чувствую что он плачет
потому что она прекрасна и недостижима
потому что закатный воздух тягуч подводно
он подумал об этой жизни об этой жизни
отвернулся и вышел с фото
у него за спиной годы и горы текстов
он сидит и не понимает зачем жить долго
если только войти обратно совсем раздеться
снова стать ребенком

***

Господи я твое животное
овча
не холодна и не горяча
не остави меня
не отвори
потерпи
потерпи мою глупость и леность
мое «купи»
на полу супермаркета
мое несмешное «дай»
побудь со мной рядом
всегда всегда
не отходи от меня
пожалуйста жди
держи меня за руку
держи держи
или за шкурку
за шарфик за воротник
полезу в розетку
шлепни но не коротни
и когда я тебя увижу выйдя на яркий свет
кинусь к тебе навстречу жмурясь и хохоча
ткнусь в тебя лбом как мой кот мол привет привет
привет ты мне скажешь привет овча

* * *

гравюры дюрера светясь
впускают в глубину
нет объясни какая связь
что я в себе тону
что проступающим из тьмы
ключицам и бедру
так драгоценно быть на мы
пока я не умру
пока не разобьются все
молекулы пока
мне еще девять восемь семь
шесть пять одна рука
мне столько а теперь скажи
словами а теперь
попробуй заново ожить
в сияющую зверь
как хорошо что я мертва
что я трава и мох
что ходят по воде слова
и водомерка-бог

* * *

Прозрачная нежить палаты чумной
нагие кровати и тумбы
все это лежало сегодня со мной
туда проводив и оттуда
все это осталось и брезжило мне
как на остановке трамвая
серебряный звон пролетевший над ней
смеется над ней выживая
я вышла из бледной больницы роясь
и страхи пуская наружу
я вышла боясь и пошла растворясь
мне было легко и ненужно
и вот я пришла на дорогу в огне
и ангел спросил глуховато
что было особенно ценным во мне
и в чем я была виновата
но слезы текли по молчанию вдоль
я села на медленный камень
и глухонемыми про боль и про боль
я все объяснила руками
и ангел вздохнул и взмахнул и взлетел
всем голубем на голубое
и я открываю глаза в темноте
и мне уже больше не больно

* * *

с возрастом голова начинает
пропускать мысли
мысли летают по комнате
ты их ловишь
а они
выскальзывают
иногда одну и ту же ты ловишь
трижды
и домашним
начинает казаться
что ты заговариваешься
повторяешь –
одно и то же одно и то же
а мысли летают снаружи
смеются
зовут с собою
и в конце концов
да в конце концов
ты плюешь на приличия
и тоже
встаешь из лица
вылетаешь
начинаешь носиться
в прохладном воздухе света

***

вчерашний воздух волшебством охвачен
мерцает спящий снег под фонарем
замедленно наощупью незрячей
дотрагиваясь чуть левей берет
и тут я вспоминаю и бесценно
и радостно смотри как хорошо
на выходе из делового центра
рождественский воденников прошел
я в комнате я из окна я помню
и свет рассеян и зернист экран
а обернешься в этот свет из комнаты
а там сияет вечное вчера
упал из рук и катится все дальше
стеклянный шар в котором снег идет
на лестничном потустороннем марше
подпрыгивает новый новый год

***

Между Ильинкой и Варваркой
вдруг вспыхнул куст и озарил
дома, людей и фонари,
всем стало жарко.
Свет голубой его то тек,
то резко вскрикивал, то рвался
к моим ветвям, то целовался
в глаз и в висок.
И я подумала: «Мой Бог»
и шла к метро, не остывая,
под маской жар его скрывая,
любовь.

***

время не кажется мне априорным
оно дано
где-то в дыхании
связано с ним прозрачно
вечность точнее
я ее чувствую непрерывно
твердой поверхностью океана
закрыв глаза
или открыв
но остановившись
и затаив дыханье
я из нее наблюдаю свет
спящих кота и кошку
расслабленное одеяло
небо скопившееся в углу окна
солнце оставшееся после завтрака

* * *

Матушка Матронушка исцели мою жизнь
всю целиком и каждую часть
руку на голову положи
угаси огневицу укроти страсть
очередь вьется солнце светит насквозь
ты меня видишь до самого дна
каждая сросшаяся неудачно кость
жизни моей на свету видна
нужно ломать и заново чтоб срослось
будет болеть будет страшная боль
выступят слезы и в апофеозе слез
Бог

Рождество

Ресницы, влажный лоб, рука,
сжимающая воздух,
слепая радость молока,
его серьезность.

Ну вот и все, мы не одни,
смотри, Иосиф,
на разлетающийся нимб
вокруг волос их,
молчи и веселись, плотва,
мычи, корова,
густую радость Рождества,
телесность Слова.

***

мы хоронили птичку всем двором
воробушка полина насчитала
двенадцать одуванчиков а я
нашла коробку мятую по росту
мой брат устлал травой ее тепло
воробушек лежал в ней как в кровати
укрытый одуванчиками мертвый
под тютиной мы раскопали ямку
сказали неуклюжие слова
мой брат заплакал я взяла коробку
и опустила в землю в этот миг
на дереве светло защебетали
другие воробы и мы наверх
смотрели а когда я опустила
глаза к коробке – в ласковой траве
среди цветов лежала пара перьев
и больше никого но как? куда
он мог пропасть? взлететь?
упасть? а может
какая кошка незаметно ловко
подкралась и украла мы уже
не разгадаем этого но только
мы все равно коробку закопали
и долго это было нашей тайной

***

Ты придешь ко мне маленькая и злая,
скажешь, глядя сквозь меня, леденящим
тоном: это не может быть настоящим,
тебя нет, я тебя не знаю.

Я рассмотрю твои легкие волосы в солнечном свете,
три прекрасных морщинки, залегающих возле дрожащих
губ, я прочту их скрипты и скрижали.

Что я тебе отвечу?

Ты пришла ко мне маленькая и злая,
и такая любимая, что даже если б я помер
или был бы придуман, то я бы тебя обнял.

И я тебя обнимаю.

Помнишь, ты из манежа выкидывала игрушки
и пюре из брокколи расплевала
на обои в кухне, а мама все убирала.

Помнишь? Тогда послушай.

Ты все еще в манеже, и они – они тоже в манеже,
миллиард младенцев, ревущих со мной сражаться,
вредные лялечки, я не могу на вас обижаться,
я чувствую только любовь и нежность.

Просто помни об этом. Хоть ты меня и не знаешь,
знать не хочешь, не веришь, что я существую.

Но ты дышишь, думаешь, спишь, танцуешь,
это я придумал тебя. И ни одно живое существо
при съемках этого фильма не пострадало.

***

Мне страшно жить спаси меня от смерти
Меня вели в берете к тете Берте
Вели вели и вывели в лесок
И дядя меня вырубил в висок
Потом я помню ветки с поволокой
Течение холодное глубокой
Четыре птички лодку на воде
И все вокруг какое-то нигде
Но я росла и кажется проснулась
Была весна она касалась улиц
Улыбкой света на губах сухих
И где-то тут ворочались стихи
Я вывернула за угол в проточный
Пространственный континуум и точно
Там столбиком стоял и говорил
И жизнь мою три раза повторил

* * *

– знаешь, как я устала?
– как отсюда – и до луны?
– как отсюда и до кровати и там лежать,
долго бежать сквозь цветы отходящих снов.
милый гремучий ночной продышал состав.
я не дойду и выйду, совсем устав,
на остановке в Россоши – мед, смотри,
тянется, словно время в моем купе,
в щелочку видно – яблоки пронесли
и пирожки с капустой и пустотой,
мне с пустотой две штуки и с темной
дайте, пожалуйста, тетенька, вот сюда –
в горло и, если не сложно, в сплетенье сна
с явью и уходите через окно.
ночью мне снились двоичницы, они
дивно состарились и потолстели ли.
лилии встрепенулись и зацвели,
я говорю про дни.
если я высунусь прямо через окно,
свешусь, переломившись, и дотянусь рукой,
ты меня сразу вспомнишь, да, это я,
я, я, натюрлих, я не была такой.
далее мы будем плакать и вытирать,
рот раскрывать и, кажется, умирать.
вырвал мне сердце на праздничный холодец –
вот молодец!
как ты не понимаешь? – движется твой перрон,
поезд стоит, а ты отбываешь здесь.
ладно, не парься, я потерплю урон,
это вполне терпимо, хотя п...ц.

***

Жизнь неизбежна и скоропостижна,
когда я из безумия не выжив,
остановлюсь на медленном мосту,
глаза закрою, смолкну, прорасту.
На хрупкой ветке слезы высыхают,
неглубоко, поверхностно, верхами
пройду по дням своим, по кромкам ран.
Клиническая жизнь, давно пора
войти в нее, не закрываясь от,
пока сама себя не заживет.

* * *

Просыпаешься от страха смерти,
от подвоха в теле, от подлога,
пробуешь отвлечься страшным фильмом,
пробуешь забыться на балконе,
пробуешь подсохшее печенье
и остывший чай в прозрачной чашке
горьковатый, и вот тут повторно
просыпаешься от страха смерти.

* * *

Когда я молюсь, воздух становится свежим, им нельзя
надышаться,
хочется плыть по нему, вливаться в него, им становится,
и знаешь что, я разгадала тайну существования ада.
Да, ад – это Божья милость и деликатность,
место, в котором можно спрятаться от огромной
невыносимой любви, там ее нету, нету,
можешь остановиться и отдышаться.

Преображение Господне

- Отчего Ты так светишься, Господи Иисусе Христе, и лицо Твое – свет, и руки, и воздух – свет?
- Оттого, что скоро распнут меня на кресте, оттого так светом сквозь плоть проступает смерть.

- Каково это, Господи, знать точно день и час неминуемой гибели?
- Гибнет одна лишь плоть.
- Это больно?
- Больно.
- Больно за нас?
- За вас.
- Это страшно?
- Страшно.
- Светло?
- И светло.

* * *

Прощение приходит из любви
и радости, из обернись и смейся,
из света за окном, привычки вить
гнездо и шляпу, облако и месяц.
Прищурившись, поглядывая в дым
весеннего распева клювокрылых,
как, боже мой, весь мир сейчас любим,
беги и обнимай, целуй и прыгай.
Звени, звени, распахивай, трамвай,
врывайся цветом, запахами, солнцем,
она тебя простила, так и знай,
смотри, смеется.

* * *

Позвоночник – колокольчики позвонки
загудели ночью у колоколенки.
Наклоняюсь ниже, ниже еще, нежней,
до земли, к земле, и вот я уже под ней
пытаюсь выразить вечность, в которой живу,
каждую мелочь – ветер, жука, траву –
на языке бестелесных жестов, воздушных рек,
прикосновений света, раз жизнь есть речь
ныне и присно и во веки веков, но прежде
посылаю тебе столько любви и поддержки,
сколько ты выдержишь унести,
ибо мы сиблинги во Христе.

***

в раненом луче шестикрылатые
многоочитые возвышаются пернатые
вразнобой моргающие певчие
шепчущие свой священный перечень
нот на проводах на фоне синего
нежные и сильные красивые
помолитесь обо мне у Господа
в горсаду вполголоса

* * *

я чувствую как прекрасно мое тело
стареющее готовящееся к смерти
спасибо ему живому за этот праздник
за время внутри проживаемое как древо
за щедрость отдать бессмертному то что смертно
за щедрость отдать последнее без возврата
за мудрость разжать и выпустить отступить
за нежность рожать-вынашивать мою душу
когда у его изголовья я стану светом
последний раз поцелую его морщины
поглажу руку заплачу о нем молчащем
не знающем смерти

***

Рваная майка жалка настолько, что кажется, что
она и сама сочувствует – жалеет унылый хлам
старого тела, в котором я шла – он шел,
кажется, сам.

На острие совпадения мы созерцаем шторм
юного дерева пред смс мс,
булькнувшем, что на разрыв наша жизнь и что
смерть на развес.

Вкопанная по пояс arbor и весь сыр бор,
тонкая arbor alta, и эти сто
тысяч зеленых веток стоят с тобой,
чувствуют что.

* * *

ты думаешь я старая но нет
я древняя древнее тьмы и света
кружись фотонно-электронный след
и все вот это
материи не нет король не гол
мы умерли но продолжаем длиться
в движе – в воображении Его
и в лицах
не то чтобы есть в слове «карантин»
какая кара берегись маразма
но снег идет в ближайший магазин
и кто наказан
с открытыми глазами на боку
в дрожащем полусне в конце вселенной
впадая в память смертную тоску
поджав колени

***

от посмотри приходит коронавирус
чтобы все изменилось да обнулилось
пушкины в добровольной весенней ссылке
пишут бессмертное вешают в небе ссылки
кликни на звездочку выпадет грусть седая
и потолстеешь безумие заеда
выйдешь потом прищуренный что китаец
жмур апокалипсиса унылый хренастрадалец
маленькой разлажмаченной бабкой ежкой
и улыбнешься

* * *

На смерть Алексея Цветкова

Место сна и покоя
Прозрачные стены воздушные
Вот перо голубиное в дивном неровном паденье
Вот оборки листвы занемогшей и божьи коровы
Не мычат а молчат и ползут по цветкову на небо
Там в моей голове происходит феерия жизни
Там в моей голове
Выворачивай быстро карманы
Этот гвоздик каштан и резинку
И фантик складируй
В нашу общую банку невиданных тайных сокровищ
Я потом ее спрячу и вовремя быстро достану
Если спросят у нас
Если нас о сокровищах спросят
Там где сердце они
Там они где по-прежнему сердце
Постарайся проснуться
Во сне все совсем не такое

***

На смерть Эмиля Сокольского

У меня мутация голоса и, возможно,
лучше мне помолчать,
лучше тихо за снегом следить, превращаемым в дождь,
потому что Ростов – это юг, тут не так, чтобы व्यужно.
Тут на окнах растет изабелла, как старость и смерть,
или старость и жизнь, и неясно, неясно, неясно...
Помню, как ты пришел в летних шлепанцах грязных в Публичку
в летних шлепанцах черных и с траурной тонкой каймой
под ногтями, так словно ногами раскапывал землю,
в летних шлепанцах вечно кудрявый смеющийся летний
вечно летний пришел по-домашнему вечно пришел
вечно снова завел разговор о стихах без знаков препинания
и я молча кивала и тоже тебе улыбалась
улыбалась и знала всегда то что знаю сейчас

* * *

Памяти Людмилы Вязмитиновой

остановлена посередине огромного бега
молча оглядывает легковой пустырь
взломанной льдиной от статичного берега
по инерции отплывающий отплывающий
смерть это так развернуться к тому лесочку
снять свои стоптанные мокасины и
медленно-медленно отойти от обочины
отойти от обочины от обочины
нет все кто умер не просто от нас уходят
они проходят сквозь нас мы стоим на пути и им
нужно продраться сквозь тех кто еще не хочет
их отпустить но уходят а мы стоим

* * *

Медленный цвет растекается по фронтому
крыши и загорается в зеркалах
окон, так ослепительна и знакома
жизнь, я ее так часто уже жила
раньше. Входила в комнату, в сотни комнат,
голову поворачивала на твой
голос – я помню голос, и голос помнит
сонное солнце дрожало над головой,
кот улыбался, тихо впадая в август
всеми усами, и лапами, и спиной,
кот тот же самый, ленивый, любимый, наглый,
в медленном свете жизни своей земной.

* * *

внутренней речи скользящий поток
взять это облако или цветок
скажешь вот тоже такое
тело оставив в покое
руки раскинув несетя река
тут широка мне а там далека
камень попавший на камень
перебирает руками
долгой воды светоносный глоток
ласковый клюв поднимает росток
в воду смотрю и глотаю
падаю и вырастаю
громкая пристань натруженных слов
мы начинали здесь с самых основ
бочки катили по трапу
переживали утрату
небо дает легкокрылую течь
в воздухе кружится зимняя речь
город от снега светает
новую книгу верстает

* * *

я думаю писать стихи нормально
без этих вот ужимок и ухмылок
подначиваний локтем и смущенья
вот посмотри сейчас я не краснея
практически по буквам по фонемам
произнесу что я пишу стихи
и все во мне останется как было
прилично внятно медленно и верно
на небе лба не загорится туча
на лбе иного неба не случится
затмения такой вот каминг аут
и нечего меня латентно шеймить
все это отвратительный газлайтинг
и всякий кто так делает абьюзер

* * *

это дерево дерево щупает лодку гнезда
аккуратно качая ее в бесконечном потоке
мануальное дерево дерево видит плывут поезда
издавая печальные книги все тоньше и тоньше
это дерево дерево тянется их прочитать
из своих же костей из своей пересушенной плоти
поднимается шелестом лодка качается там
где кончается за поворотом нет на повороте

***

неизданные звуки хранятся в черновиках
телесной памяти в заброшенных чердаках
надподсознания в пространстве его времен
где тихо замертво и намертво изумлен
за горло схватишься – не издано ничего
молчит скрывается мыслительный речевой
поток в плече потом в висок отдает и в бок
горит и вспыхивает весь спичечный коробок
проговори меня о господи на ходу
пробормочи меня подумай меня поду
куст загорается немым говорит огнем
а не понравлюсь – все звуки тебе вернем

* * *

зум за разум заходит по ссылке женой декабря
и вторая волна нецунами мне снится прозрачно
рыбы-листья плывут умножаясь что твой Фибоначчи
размножаясь наверное зря
сам себя освещающий свет только осенью так
осязаем и розов и как говорил наклонившись
мой любимый философ (не Шестов, не Шпенглер, не Ницше,
не Камю и не Кант)
если ты выбираешь себя а не то что в тебе
прорастает и длится выходит и смотрит снаружи
голубыми глазами на нежное облако в луже
то великий побег
из тюрьмы обречен
на дрожащий побег винограда
но хотя бы почувствуй ограду
удивленным плечом

***

Легкий лес
медленный свет между ветвей
затекает белке в дупло
отражаясь правильно от стен
сияя в небе одной
солнечной и золотой шуриша листвой
свет в лес летящий
лист свет лес
вырастая над долгой чащей
весело дыша забегая посмотри мама
ну не сиди тут под листопаданием
ну подумай о том что радостно

СОДЕРЖАНИЕ

В. Гандельсман. «Органическая странность» 3

Свиток ветра

«Вот погляди – где заворачивается листок...»	9
«Митя? Алеша? Сережа? Валера?...»	10
«там капает вода вывязывая шнур...»	11
«Ты знала, что зародыш, как цветок...»	12
«скульптор небесный листоющий лес...»	13
«все мертвые становятся детьми...»	14
«вой на улицах пыль и прах...»	15
«выкликаю в себе разную кровь: русская...»	16
«О, выправи мне слово, логопед...»	17
« – Понимаешь, – говорит она, наклонившись к подруге...»	18
«Открываете дверь, а она там стоит босая...»	19
«закроешь глаза и почти не видна...»	20
«когда у тебя умирает кто-то родной...»	21
«О, осенью дома становятся прозрачны...»	22
«К октябрю все накроется желтым...»	23
«Я шла по тропинке в парке Шкулева...»	24
«Сойти с ума сейчас – нормально...»	25
«когда-нибудь все будет хорошо...»	26
«так сходит мелодично с летних рук...»	27
«Тень муравья, бегущая по парапету балкона...»	28
«иногда так случается – вдруг человек...»	29
«мы лежали сквозные открытые рты...»	30
«Как жаль, что у меня тебя отняли...»	31
«Осени антрацит под топазами и опалами...»	32
«В этом теле, которое я ношу...»	33
«Какое облегчение, что осень...»	34

«Меня никто не пишет по ночам...»	35
«когда становится печально...»	36
«Она говорит ему: трам-там-там...»	37
«спокойной ночи любимый...»	38
«Моя фотографическая память...»	39
«немного матовый голубовато-рыжий...»	40
«так облачно что божья благодать...»	41
«спасибобо качается весна...»	42
«бывает ли потом...»	43
«Так красиво придуманы листья рябины...»	44
«Май ловил меня, но не поймал...»	45

Сияющая зверь

«я стану музыка я буду на слова...»	49
«дом заброшенный но...»	50
«на фотографии в закатном свете солнца...»	51
«Господи я твое животное...»	52
«гравюры дюрера светясь...»	53
«Прозрачная нежить палаты чумной...»	54
«с возрастом голова начинает...»	55
«вчерашний воздух волшебством охвачен...»	56
«Между Ильинкой и Варваркой...»	57
«время не кажется мне априорным...»	58
«Матушка Матронушка исцели мою жизнь...»	59
Рождество	60
«мы хоронили птичку всем двором...»	61
«Ты придешь ко мне маленькая и злая...»	62
«Мне страшно жить спаси меня от смерти...»	63
«– знаешь, как я устала?...»	64
«Жизнь неизбежна и скоропостижна...»	65
«Просыпаешься от страха смерти...»	66
«Когда я молюсь, воздух становится свежим...»	67

Преображение Господне	68
«Прощение приходит из любви...»	69
«Позвоночник – колокольчики позвонки...»	70
«в раненом луче шестикрылатые...»	71
«я чувствую как прекрасно мое тело...»	72
«Рваная майка жалка настолько, что кажется, что...»	73
«ты думаешь я старая но нет...»	74
«от посмотри приходит коронавирус...».	75
На смерть Алексея Цветкова	76
На смерть Эмиля Сокольского	77
Памяти Людмилы Вязмитиновой	78
«Медленный цвет растекается по фронтону...»	79
«внутренней речи скользящий поток...»	80
«я думаю писать стихи нормально...»	81
«Это дерево дерево щупает лодку гнезда...»	82
«неизданные звуки хранятся в черновиках...»	83
«зум за разум заходит по ссылке женой декабря...»	84
«Легкий лес...»	85

Печать цифровая. Тираж 300 экз.

Подписано в печать 21.03.2023

Заказ № J-1246

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117393, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный округ Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещение XIX, ком. 321.

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com